

ОГЛАВЛЕНИЕ

СМОТРИТЕЛЬ

Глава I

ХАЙРЕМСКАЯ БОГАДЕЛЬНЯ5

Глава II 13

БАРЧЕСТЕРСКИЙ РЕФОРМАТОР 13

Глава III 29

БАРЧЕСТЕРСКИЙ ЕПИСКОП 29

Глава IV 43

ХАЙРЕМСКИЕ ПАНСИОНЕРЫ 43

Глава V 53

АРХИДЬЯКОН ПОСЕЩАЕТ БОГАДЕЛЬНЮ 53

Глава VI 68

ЧАЙ У СМОТРИТЕЛЯ 68

Глава VII 83

«ЮПИТЕР» 83

Глава VIII 89

ПЛАМСТЕД 89

Глава IX

СОВЕЩАНИЕ 103

Глава X

ГОРЕСТИ 115

Глава XI

ИФИГЕНИЯ 126

Глава XII

МИСТЕР БОЛД ПОСЕЩАЕТ ПЛАМСТЕД 142

Глава XIII

РЕШЕНИЕ СМОТРИТЕЛЯ..... 152

Глава XIV

ГОРА ОЛИМП. 161

Глава XV

ТОМ ТАУЭРС, ДОКТОР АНТИЛИЦЕМЕР
И МИСТЕР САНТИМЕНТ 174

Глава XVI

ДОЛГИЙ ДЕНЬ В ЛОНДОНЕ..... 193

Глава XVII

СЭР АБРАХАМ ИНЦИДЕНТ 209

Глава XVIII

СМОТРИТЕЛЬ УПРЯМИТСЯ 218

Глава XIX

СМОТРИТЕЛЬ ПОДАЕТ В ОТСТАВКУ 225

Глава XX

ПРОЩАНИЯ..... 238

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 252

ДВЕ ГЕРОИНИ ПЛАМПЛИНГТОНА

1. ДВЕ ДЕВУШКИ 261

2. «Я ОТКАЖУСЬ ОТ ВСЕГО» 272

3. МИСТЕР ГРИНМАНТЛ В ЗАМЕШАТЕЛЬСТВЕ 281

4. ДЖЕК ХОЛЛИКОМБ	290
5. ДОКТОР ФРИБОРН И МИСТЕР ХЬЮЗ	300
6. БАРЫШЕНЬ ВЕЗУТ ЗА ГРАНИЦУ	313
7. БАРЫШНИ ОСТАЮТСЯ ДОМА	326
8. РОЖДЕСТВО	343
СУВЕНИР НА ПАМЯТЬ	
О ГЕНЕРАЛЕ ШАССЕ	351

Глава I

ХАЙРЕМСКАЯ БОГАДЕЛЬНЯ

Преподобный Септимий Хардинг еще не очень много лет назад был штатным священником в кафедральном городе *** — назовем его Барчестер. Скажи мы «Уэлс», «Солсбери», «Эксетер», «Херефорд» или «Глостер», в нашей истории могли бы усмотреть намеки на конкретных лиц, а поскольку речь у нас пойдет о соборном духовенстве упомянутого города, мы желали бы отвести любые подобные подозрения. Давайте считать, что Барчестер — тихий городок на западе Англии, примечательный более красотой собора и древностью зданий, нежели коммерческим процветанием, что западную его часть занимает собор с примыкающими строениями и что высший барчестерский свет составляют епископ, настоятель и каноники с женами и дочерьми.

Мистер Хардинг жил в Барчестере с юности. Красивый голос и любовь к церковной музыке определили его призвание, так что долгие годы он состоял в необременительной, но малоодоходной должности младшего каноника. В сорок лет он получил маленький приход неподалеку от города, что прибавило ему и денег, и обязанностей, а в пятьдесят сделался соборным регентом.

Женился мистер Хардинг рано; его старшая дочь, Сьюзен, родилась вскоре после свадьбы, младшая, Элинор, — лишь десятью годами позже. В то время, когда мы представляем мистера Хардинга нашим читателям, он жил с младшей дочерью, в ту пору двадцати четырех лет; жена его скончалась давным-давно, а старшая дочка вышла за епископского сына незадолго до того, как мистер Хардинг получил место регента.

Злая барчестерская молва утверждала, что когда бы не красота старшей дочери, ходить мистеру Хардингу в младших канониках до конца дней, однако молва, вероятно, лгала, как с нею частенько случается, ибо еще в бытность младшим каноником мистер Хардинг снискал всеобщую любовь, и та же молва, прежде чем принялась корить его за получение регентской должности от друга-епископа, громко упрекала епископа, что тот все никак не позаботится о своем друге мистере Хардинге. Так или иначе, двенадцать лет назад Сьюзен Хардинг вышла замуж за преподобного доктора Теофила Грантли, архидьякона Барчестерской епархии и настоятеля Пламстедской церкви, а через несколько месяцев ее отец стал регентом Барчестерского собора (должностью этой, как нередко бывает, епископ мог распоряжаться по собственному усмотрению).

Здесь надо разъяснить некие примечательные обстоятельства, связанные с барчестерским регентством. В лето 1434-е представился ко Господу некий Джон Хайрем, барчестерец, сделавший состояние на торговле шерстью. Он отказал свой дом, а также земли за городом, до сих пор носящие имя «Хайремовы

холмы» и «Хайремов выгон», на содержание двенадцати престарелых шерсточесов (непременно уроженцев Барчестера, проживших в городе весь свой век). Хайрем завещал построить для них богадельню с домом для смотрителя, каковому смотрителю устанавливалось жалованье из дохода от упомянутых выгонов и холмов. Кроме того, будучи ценителем музыкальной гармонии, Джон Хайрем оговорил, что место смотрителя (с одобрения своего епископа) будет занимать кафедральный регент.

От тех дней и до сегодняшнего приют жил и процветал — вернее, приют жил, а его земельное имущество процветало. Шерсть в Барчестере давно не чесали, так что епископ, настоятель собора и смотритель, как правило, определяли в богадельню стариков из своего ближайшего окружения: немощных садовников, дряхлых могильщиков, доживавших век пономарей, которые с благодарностью принимали уютное жилье и шиллинг четыре пенса в день — выплату, положенную им по завещанию Джона Хайрема. Прежде — лет за пятьдесят до описываемых событий — они получали только шесть пенсов, а столовались дважды в день вместе со смотрителем, буквально как прописал в своей духовной старый Хайрем. Однако это было равно неудобно и смотрителю, и подопечным, так что к взаимному удовольствию всех сторон, включая епископа и барчестерское общество, завтраки и обеды заменили денежным содержанием.

Такова была жизнь двенадцати Хайремских стариков, когда мистер Хардинг заступил на свою должность; но если про насельников приюта можно было сказать, что им повезло, куда в большей степени это

относилось к зрителю. На выгонах и холмах, где во времена Джона Хайрема пасли коров и косили сено, теперь стояли ряды домов, земля росла в цене от года к году и от столетия к столетию, так что, по мнению тех, кто смыслил в подобных делах, должна была приносить очень неплохой доход; тем же, кто в подобных делах не смыслил, доход этот рисовался баснословным.

Арендную плату за земли Хайрема взимал барчестерский джентльмен, занимавший при епископе должность управителя, — сын и внук людей, управлявших делами епископа и взимавших плату за земли Джона Хайрема. Чедуиков в Барчестере уважали; при жизни они пользовались доверием епископов, настоятелей, каноников и регентов, после смерти их хоронили в соборе. Никто из них не давал оснований упрекнуть себя в алчности или чрезмерной суровости, однако все они жили на достаточно широкую ногу и занимали высокое положение в барчестерском обществе. Нынешний мистер Чедуик был достойным отпрыском достойного семейства, и арендаторы на выгонах и холмах, а также на епископских землях епархии радовались, что у них такой почтенный и либеральный управляющий.

Много-много лет — трудно выяснить, с каких пор, быть может, с первых дней существования богадельни — управляющий передавал доходы от земли зрителю, а тот делил их между подопечными; остаток причитался ему в качестве жалования. В иные времена у бедного зрителя не было ничего, кроме дома, ибо выгоны заливало, а земли барчестерских холмов не давали урожая; в те скудные годы зрители еле-еле наскребали ежедневное пособие двенадцати старикам.

Однако постепенно все изменилось: выгоны осушили, холмы застроили, и смотрители по справедливости смогли вознаградить себя за былые тяготы. В плохие времена бедняки-подопечные получали сколько положено, в хорошие им не с чего было ждать большего. Таким образом доход смотрителя вырос; живописный домик рядом с богадельней стал вместительнее и краше, а должность сделалась самой желанной из многочисленных церковных синекур. Теперь епископ жаловал ее по своему единоличному усмотрению; хотя некогда настоятель и собрание каноников имели в этом вопросе свой голос, они рассудили, что приличнее иметь богатого регента, назначенного епископом, чем бедного, назначенного коллегиально. Жалование барчестерского регента составляло восемьдесят фунтов в год, смотритель богадельни получал восемьсот, и это еще не считая стоимости дома.

В Барчестере раздавались шепотки — правда, очень тихие и редкие, — что доходы от земель Хайрема распределяются несправедливо. Не то чтобы кого-то всерьез упрекали, но все же шепотки такие звучали, и мистер Хардинг их слышал. Уважение и любовь, которыми он пользовался в Барчестере, были настолько всеобщими, что самый факт его назначения заглушил бы и более громкое недовольство, однако мистер Хардинг, человек добрый и честный, чувствовал, что упреки, быть может, не вполне безосновательны. Поэтому при вступлении в должность он объявил, что добавит по два пенса в день каждому подопечному и будет выплачивать необходимые для этого шестьдесят два фунта одиннадцать шиллингов и четыре пенса из собственного кармана. Впрочем,

он несколько раз четко разъяснил старикам, что дает обещание от своего имени, но не от имени преемников и два пенса следует считать его личным подарком, а не прибавкой от благотворительного фонда. Старики, будучи по большей части старше мистера Хардинга, нимало этим не огорчились. Они пребывали в спокойной уверенности, что им-то дополнительные два пенса обеспечены по гроб жизни.

Необыкновенная щедрость мистера Хардинга встретила определенное противодействие. Мистер Чедуик мягко, но настойчиво отговаривал его от этого шага, а зять-архидьякон, человек решительный и волевой, единственный, перед кем мистер Хардинг по настоящему робел, горячо — нет, даже яро — воспротивился столь неразумной уступке. Однако зритель сообщил о своем решении старикам до того, как архидьякон успел вмешаться, так что дело было сделано.

Хайремская богадельня, как называется приют, здание довольно живописное, несущее на себе отпечаток хорошего вкуса, которым пронизана церковная архитектура той эпохи. Она стоит у речки, огибающей территорию собора, на дальнем от города берегу. Лондонская дорога пересекает речку по очаровательному горбатому мостику, с которого путник видит окна стариковских комнат; каждая пара окон разделена контрфорсом. От реки к зданию ведет гравийная дорожка, всегда идеально убранная и выровненная; в дальнем ее конце, под парапетом моста, стоит длинная, лоснящаяся от частого употребления скамья, на которой в хорошую погоду непременно будут сидеть три-четыре насельника Хайремской богадельни. За рядом контрфорсов, дальше от моста

и от реки, которая здесь круто поворачивает, виден прелестный эркер смотрительского дома и аккуратно подстриженный газон перед ним. Попасть внутрь можно с Лондонской дороги, пройдя под массивной каменной аркой; кто-то может заметить, что она излишня для защиты двенадцати стариков, но нельзя отрицать, что с нею богоугодное заведение обретает благообразную солидность. За воротами, которые открыты для всех и каждого с шести утра до десяти вечера, а в остальное время распахиваются лишь перед тем, кто разыщет шнурок хитроумно подвешенного средневекового колокола (задача для чужака неразрешимая), — так вот, за воротами открывается вид на шесть дверей в комнатки стариков и на узорчатую железную калитку, через которую счастливейшая часть барчестерской элиты попадает в райскую обитель мистера Хардинга.

Мистер Хардинг мал ростом, и хотя стоит на пороге шестидесятилетия, годы мало сказались на его внешности: волосы лишь слегка тронуты сединой, кроткие глаза смотрят живо и ясно (впрочем, пенсне, которое болтается на руке, когда не сидит на носу, доказывает, что время все же не вполне их пощадило), руки изящно белые, ладони и ступни маленькие; он всегда носит черный сюртук, черные панталоны, черные гетры и — к возмущению некоторых чрезмерно клерикальных собратьев — черный шейный платок*.

* К середине XIX века под влиянием Оксфордского движения англиканские священники для отличия от мирян стали носить белые шейные платки (которые позже превратились в пасторский воротничок). Хардинг по старинке не подчеркивает свое духовное звание.